

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Тимофеевич Аксаков

«Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»

«Радуюсь прекрасному явлению в литературе нашей, как общему добру, мы с большим удовольствием извещаем читателей, что, наконец, словесность наша обогатилась *первым историческим романом*, первым творением в этом роде, которое имеет народную физиономию: характеры, обычаи, нравы, костюм, язык. Не один раз прочитав его со вниманием и всегда с наслаждением, мы считаем за долг сказать свое мнение откровенно и беспристрастно, подкрепляя по возможности доказательствами похвалы свои и осуждения, разумеется кроме тех случаев, где и то и другое будет основано на чувстве чисто эстетическом – вкусе: он у всякого свой. Если б романы Вальтер-Скотта были написаны на русском языке, и тогда бы «Юрий Милославский» сохранил свое неотъемлемое достоинство...»

Сергей Тимофеевич Аксаков
«Юрий Милославский, или
Русские в 1612 году»

Исторический роман в трех частях Сочинение

М. Н. Загоскина. Ч. I, с. 236. Ч. II, с. 166. Ч. III, с. 263. Москва.

В тип. Н. Степанова, 1829

Радуюсь прекрасному явлению в литературе нашей, как общему добру, мы с большим удовольствием извещаем читателей, что, наконец, словесность наша обогатилась *первым историческим романом*, первым творением в этом роде, которое имеет народную физиономию: характеры, обычаи, нравы, костюм, язык. Не один раз прочитав его со вниманием и всегда с наслаждением, мы считаем за долг сказать свое мнение откровенно и беспристрастно, подкрепляя по возможности доказательствами похвалы свои и осуждения, разумеется кроме тех случаев, где и то и другое будет основано на чувстве чисто эстетическом – вкусе: он у всякого свой. Если б романы Вальтер-Скотта были написаны на русском языке, и тогда бы «Юрий Милославский» сохранил свое неотъемлемое достоинство. Это небывалое явление на горизонте нашей словесности: романы Нарезного хотя показывают некоторое дарованье в сочинителе, но выполнены слишком дурно во всех отношениях; в других новых наших романах нет ничего национального, русского.

Эпоха или время действия выбрано самое

счастливого; исторические происшествия и лица вставлены в раму интриги с искусством, освещены светом истории прекрасно и верно.

Москва во власти поляков присягнула королевичу Владиславу. Страх, своекорыстные виды и неимение других средств к спасению государства, раздираемого безначалием, междоусобием и развращением нравов вследствие тиранского самовластия Иоанна, слабумия Федора и преступных путей к престолу Годунова, заставили всех прибегнуть к сему несчастному поступку. Герой романа, Юрий, сын умершего боярина Дмитрия Милославского, бывшего воеводой в Нижнем Новгороде, известного своею ненавистью к ляхам, присягнул вместе с прочими Владиславу. Юный, прекрасный, добродетельный, набожный и страстно любящий свое отечество, Юрий увлекся примером и обстоятельствами. Личное уважение и даже приязнь соединяет его с Гонсевским, начальником польских войск, занимающих Москву. Слух, что низовцы, удаленные от ужасов московских, следовательно лучше других понимающие настоящее положение дел, уже вразумленные ко-

варством Сигизмунда, собираются восстать народною войною на чуждых утеснителей, встревожил сих последних, и Гонсевский, вместе с другими, посылает в Нижний Новгород Юрия Милославского для усмирения взволнованных умов. Кто лучше его, сына заклятого врага поляков, добровольно целовавшего крест Владиславу, может убедить непокорных? С этой точки начинается роман. Расскажем в коротких словах его содержание, обнажив главный ход от явлений эпизодических: влюбленный в неизвестную девушку, виденную им недавно в московской церкви Спаса на Бору, Юрий Милославский едет в Нижний; в продолжение дороги, а особливо в доме боярина Кручины Шалонского глаза его открываются, и раскаяние в присяге Владиславу им овладевает; в Нижнем это чувство возрастает до высочайшей степени, до отчаяния, и Юрий, сказав речь в собрании сановников нижегородских как посланник Гонсевского и спрошенный Мининым: *что бы он сделал на их месте?* – не выдержал и дал совет идти к Москве, ибо поляки слабы. В то же время решается он и объявляет торжественно,

что идет в монахи, ибо не может сражаться ни за ту, ни за другую сторону. Юрий приезжает в Сергиеву лавру, объявляет Аврааму Палицыну о своем желании и о причинах оною. Палицын принимает его предварительный обет иночества, разрешает от клятвы Владиславу и посылает как своего послушника сражаться с поляками под Москву. Юрий едет; на дороге, чтоб избавить от виселицы дочь боярина Шалонского, в которой он еще прежде узнал свою любезную, женится на ней (это обстоятельство оправдано прекрасно) и тот же час отвозит свою несчастную молодую в монастырь Хотьковский и прощается с нею навеки. Москву освобождают, поляки разбиты и бегут; Юрий открывается Палицыну в своем вынужденном браке, и Палицын разрешает его от обета идти в монахи, основываясь на том, что брак есть уже таинство неразрешимое, а послушники могут возвращаться в свет, и Юрий, как видно из эпилога, делается счастливым супругом Анастасии.

В чувствительном роде лучшие места: восстание нижегородцев и смерть боярина Ша-

лонского; в комическом: две шутки Кирши, его колдовство и посвящение в колдуньи старухи Григорьевны; в ужасном: буйная ярость шишей (русских гвериласов); в описательном: переправа через Волгу в то время, когда лед только что тронулся.

Должно заметить, что никто не имеет такой комической добродушной веселости, как г. Загоскин; в этом отношении талант его высокого достоинства и совершенно оригинален. Читая роман сей, есть где заплакать от душевного умиления и от сердца посмеяться самому невеселому человеку. Но нельзя сказать, чтобы любопытство и участие в развязке были подстрекаемы сильно.

Не говоря уже о характерах некоторых действующих лиц, большею частью хорошо выдержанных, разнообразных, прекрасно изобретенных, комических положениях, об искусной отделке подробностей, впрочем не всех, главнейшее достоинство сего романа состоит в живом, верном, драматическом изображении нравов, домашнего быта, местностей, особенностей и природы царства Русского. Вот язык, которым должны были, кажется,

говорить люди русские в 1612 году; вот их образ мыслей. Кто знает хорошо свое отечество, тот станет восхищаться верностью сих картин; кто не знает его (ибо много есть русских, не знающих ничего в России, кроме гостиных Петербурга или Москвы), тот, вместе с иностранцами, познакомится с жизнью наших предков и теперешним бытом простого народа.

Интрига романа проста, не запутана эпизодами, хотя ход ее не везде равно выдержан; некоторых мест нельзя читать или слышать без живейшего участия, без слез; таковы: речь Минина, восстание в Нижнем Новгороде, смерть боярина Кручины, смерть юродивого. Впечатление сего романа самая чистая нравственность: любовь к отечеству и добродетели.

В первой части и несколько во второй приметна в романе какая-то неполнота в описаниях, сжатость, неоконченность и даже неясность. Не знаем, что тому причиною: новизна ли труда, или торопливость; третий том во всех отношениях написан лучше двух первых. Можно заметить, что поступок Юрия

Милославского, уже разочарованного насчет намерений Сигизмунда, но продолжающего действовать вопреки своему сердцу и даже долгу к отечеству и, наконец, в совете сановников нижегородских от одного вопроса Минина говорящего против себя и опровергающего собственные слова (ну, если бы его послушались?) – несколько странен. Можно укорить Юрия слабостью ума и характера. Не говорим уже о том, что Гонсевский и другие, пославшие его в Нижний для укрощения бунта, были весьма неблагоприятны, даже просты, ибо людей нетвердых и всего более вполонину преданных к их стороне, не посылают для отвращения гибели в решительную минуту. Шутка Милославского с паном Копычинским, которого он заставляет съесть целого гуся, – всем известная быль, она не в характере Юрия, доброго и кроткого человека; запорожец Кирша гораздо забавнее и естественнее выгоняет лишний народ из избы, сказав, что один из проезжих – разбойничий атаман, по прозванию *чертов ус*. Из всех лиц романа язык только одного Юрия иногда отзывается новыми выражениями и мыслями.[1]

Вот несколько частных замечаний:

Часть I.

1) Нельзя в начале апреля, при необыкновенном продолжении зимы, ездить целиком (стр. 8): глубокие снега около Нижнего того не позволят, разве по насту, но этого не объяснено. Жестоких метелей в сие время не бывает: снег получил осадку, и ветер не может взрывать его (стр. 9). Нехороша фраза: на бесчувственном лице изобразилась радость (стр. 17).

2) Вначале сказано, что Смоленск во власти польского короля (стр. 3), а известие о взятии его получено Юрием после: в доме Кручины Шалонского.

3) Слово беглец (стр. 24), вероятно, не употреблялось тогда – в простых разговорах, как и ныне, не скажут: он беглец, а он беглый.

4) Простоволосая (стр. 38) значит не глупую, а не повязанную платком женскую голову, что считалось и считается предосудительным; отсюда в переносном смысле составил глагол *опростоволоситься*, то есть дать себя поймать без повязки, застать врасплох.

5) Слово *мыт* (стр. 39) надобно объяснить.

Его знают как имя болезни.

6) *Я не привык кормиться ничьими остатками* (стр. 77). Дурное и двусмысленное выражение. *Объедками*, вероятно, желал сказать сочинитель.

7) Не говорят колдуну: *тебя умудрил господь* (стр. 105).

8) Причина недостаточна, почему поляки не стали осматривать чулана колдуна (стр. 113): *кой черт велит ему забиться в эту западню*, говорят они, но сия причина и прежде существовала, а они все-таки выбили дверь; явно, что это нужно было автору и он поступил самовластно.

9) *Узда заменялась медною цепью* (стр. 121). Едва ли! Разве вместо удил и поводьев была медная цепочка.

10) Колдуны именно не ходят в церковь; им за то и верят, что они в связях с дьяволом! (стр. 122).

11) Странно, как ускакал Алексей на своем *пешем* коне от преследованья поляков? (стр. 125).

12) Выражения Юрия: *мнение толпы ничего не доказывает, и сольются поколения в*

один народ... слишком новы и неуместны в разговоре со слугою. Это хотелось сказать автору (стр. 127).

13) Не говорится: *зарезанный бык* (стр. 133), а *убитый*.

14) *Ревел нелепым голосом* (стр. 138); выражение неточное.

15) *Дурной гражданин едва ли может быть хорошим отцом* (стр. 148). Весьма часто бывает: примеров много.

16) Подстилка нескольких снопов соломы (стр. 161) в избе, куда ждут молодых из церкви и кучу гостей, – невероподобна.

17) Дурные стихи плохого поэта дурно выраженной мысли Байрона не стоят повторения:

*Улыбка горести подобна
На гроб положенным цветам!..*

18) *Бедненький ох, а за бедненьким бог*; зачем изменять народную пословицу в народном романе? (стр. 245). Надобно сказать: *голенький ох, а за голеньким бог!*

19) *Воображение охладело, и Юрий заснул* (стр. 255). Боже сохрани, только успокоилось.

Часть II.

1) *В случае нужды готов доволствоовать-*ся (стр. 19); правильное сказать: не готов, а может.

2) *Вспорхнул на седло* (стр. 3) нейдет как-то к запорожскому казаку; лучше: *взмахнул*, а притом правильное: *вспорхнуть с гнезда*, нежели *вспорхнуть на дерево*.

3) *Народ отхлынул, как вода* (стр. 31); непременно надобно сказать: от чего? от скалы или плотины.

4) Злые кони сбивают седоков тем, что на всем скаку бросаются в сторону; а поворотить круто на скаку, как пишет сочинитель на стр. 32, никакая лошадь не может: сама упадет.

5) *Околица не может быть затворенная* (стр. 23), а разве ворота.

6) *Юрий с слугою опередили солнце* (стр. 36); чем? как? Переход к прощанью Юрия с Шалонским чрезвычайно сжат.

7) *Похоронит так далеко от торопился*, что лучше сказать уж: *похоронил* (стр. 43).

8) *Соскучив не получают ответов* (стр. 43); дурная фраза.

9) Кирша говорит неправду два раза сряду.

Прежде он сказывал, что казак им убит, а теперь говорит: *к счастью, он отдохнул*. Корабленников тоже ему не давали, а только хотели дать (стр. 47).

10) Ангел красоты (стр. 50) нейдет говорить Юрию: ново.

11) Оправдание, почему Кирша не открыл опасности Юрию (чтоб не поссорить его с отцом любезной), весьма выискано и казаку не свойственно (стр. 57).

12) Нехорошо сказать: *Аргамак вместо того, чтоб драться с лошадью* и пр. (стр. 68).

13) Читатель остается в неизвестности, зарядил ли пистолет свой Юрий (стр. 71), а это знать нужно.

14) Ответ запорожца Кирши на вопрос Алексея: для чего он не предупредил их о разбойниках? самый странный; он говорит: *я боялся, что вы не сумеете притвориться*, и т. д. Это пустое оправданье; да разве он не мог также хватить Омляша по голове, не доезжая до оврага, где спрятаны его товарищи? Какой опасности подвергал он и себя и своих благодетелей без всякой причины! Не понимаем даже, для чего автору было это нужно?

15) На стр. 79 опять наши путешественники в водополь и распутье, только начавшееся, когда глубокие снега напитались водою, ездят по лесу и оврагам без дороги. У нас в это время почти вовсе проезда не бывает и по дорогам, особливо около Нижнего.

16) Закраиною называется лед, примерзший к берегу, а не расселина между льдом и берегом, как выразился сочинитель на стр. 85: *перепрыгнув через закраину*.

17) На стр. 89. Юродивый играет на песчаной косе с ребяташками; это невозможно: тогда все было еще покрыто льдом, снегом и прибывшею, полою водою.

18) *Милославский провел большую часть ночи, размышляя о своем положении, которое казалось ему вовсе незавидным* (стр. 108). Последние слова похожи на шутку, а Юрий был в ужасном состоянии.

19) Побасенка Минина об утопающем отце и сыновьях его (стр. 133) рассказана неясно, и применение ее к положению Милославского неверно.

Должно заметить, что выражение *меж тем* чрезмерно часто и иногда некстати упо-

требуется в целом романе, А всего досаднее оно после прекрасного, исполненного чувства обращения автора на стр. 121:

О, как недостаточен, как бессилён язык человеческий для выражения высоких чувств души, пробудившейся от своего земного усыпления. Сколько жизней можно отдать за одно мгновение небесного чистого восторга, который наполнял в сию торжественную минуту сердца всех русских! Нет, любовь к отечеству не земное чувство! Она слабый, но верный отголосок непреодолимой любви к тому неизвестному отечеству, о котором, не постигая сами тоски своей, мы скорбим и тоскуем почти со дня рожденья нашего.

Меж тем все спешили по домам и пр.

Часть III.

1) Запорожец, столько преданный Юрью, узнав о мнимой его смерти, вскрикивает: *ах боже мой, боже мой...* и велит казакам подать кису с водкой и пирогом (стр. 8). Это не в характере Кирши: он слишком горячо привязан к Милославскому.

2) *Лошади шарахнулись и стали* (стр. 16).

Шарахнулись не значит испугались, а бросились от испуга.

3) *Что же прибыли, что Юрий и жив* (стр. 21); и правильнее по смыслу речи, и лучше сказать: *если Юрий и жив*.

4) Сочинитель говорит на одной и той же 58 стр.: *и в наше время многие воображают Муромские леса*

*Жилищем ведьм, волков,
Разбойников и злых духов.*

А несколько строк пониже: *о ведьмах не говорят уже и в самом Киеве; злые духи остались в одних операх*, и пр.

5) Автор прекрасно выдержал характер запорожца Кирши, который не согласился вытаскать утопающего в болоте земского ярыжку (стр. 96), но, кажется, в оправдание Кирши надобно бы сказать, что, вытаскивая разбойника, подвергались опасности утонуть честные его товарищи. Притом не худо объяснить, что дорога по таким непроходимым топям делается из гати, которая, перегнив, превращается в чернозем, а по оному растут не одни уже болотные травы и корнями связы-

вают зыбкую тряси́ну. Этого не все знают. Стая волков, бегущая к утопшему, хотя производит эффект на читателя, но это несправедливо. Никакое чутье не могло слышать запаха от человека, затянутого глубоко в тину, тем более по прошествии одной минуты.

6) *В течение сего разговора* (стр. 98). Нехорошо. Лучше: *в продолжение*.

7) Опять искажение пословицы: *Не спросясь броду, не бросайся в воду*. Надо сказать: *не суйся в воду*. При некотором размышлении всякий почувствует, что *бросаться* и *совать* не синонимы.

8) На стр. 112 сочинитель говорит, что Троицкая лавра *отстоит от Москвы не далее шестидесяти четырех верст*. Тут надобно сказать положительно: во стольких-то верстах.

9) *Я едва смею надеяться, что ты не отринешь* и пр., нехороша фраза.

10) *Хлебы пересидели* (стр. 142); говорится: *пересиделись*.

11) (стр. 175) невероятно, чтоб у Анастасии, бывшей в руках грабителей-шишей, нашлись, как нарочно, на пальцах два золотых

перстня для обручения.

12) Он приподнял раненого, в котором читатели, вероятно, узнали уже боярина Кручину. Никак нельзя узнать; сочинитель описал местоположение, не известное читателям.

13) Анастасия, обвенчавшись с Юрием, через несколько минут прижимает руку его к своему сердцу и говорит: *чувствуешь ли, как бьется мое сердце? Оно живет тобою и пр...* И действие и слова не в характере того времени. Анастасия могла взять руку Юрия и поцеловать. Также, прощаясь с ним у ворот Хотьковского монастыря, по нашему мнению, следовало бы ей поклониться в ноги своему спасителю, супругу и *господину*.

Искренно признаемся, что большая часть наших замечаний маловажны; это послужит доказательством автору внимания, с которым мы читали его сочинение, и желания видеть труд его в совершеннейшем виде. Хотели бы-ло мы выписать несколько страниц из лучших мест, но поистине затруднились в выборе: весь роман есть одна из приятнейших и замечательных страниц в летописях нашей словесности.[2]

К сожалению, должно прибавить, что, несмотря на хорошую бумагу и буквы, печать нехороша и что бесчисленное множество знаков восклицаний, двоеточий и тире, часто неверно поставленных, досаждают читателю. Правописание также несколько капризно. Визиты гравированы недурно, но нарисованы очень плохо. Мы уверены, что скоро понадобится второе издание, в котором, конечно, постараются избежать этих мелочных недостатков.

Примечания

Надобно признаться, что хотя Юрий предобрый, и благородный, и храбрый человек, но слишком горячо к нему не привязываешься. Как скоро он действует с кем-нибудь вместе, он уже играет второклассное лицо; в нем ничего нет славного, сильного, увлекательного, самобытного. Его спасают, посылают, освобождают, не слушают, разрешают и венчают. В своем роде Кирша нравится гораздо более. Лучше всех написанный и выдержанный характер это юродивый, за ним следует Туренин.

[^^^]

Быть может, некоторые из читателей спросят: не подражание ли это Вальтер-Скотту? Вот наше мнение: если б не писал знаменитый шотландец, быть может, не существовал бы и «Юрий Милославский» или явился в свет под другою формою, но вот все влияние Вальтер-Скотта, какое только можно допустить. Подражания мы решительно не заметили.

[^^^]